



Магог А.

---

ТАЙНА КРАСНОГО  
ЧЕМОДАНА

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Золотой век детектива

Анри Магог

**Тайна красного чемодана**

«Алгоритм»

1912

УДК 821.133.1  
ББК 84(4Фр)

**Магог А.**

Тайна красного чемодана / А. Магог — «Алгоритм»,  
1912 — (Золотой век детектива)

ISBN 978-5-501-00090-2

Анри Магог (наст. имя Анри-Жорж Жанн; 1877–1942) – французский писатель, автор ряда детективных романов; достаточно популярный в начале века, но затем прочно (и на наш взгляд совершенно незаслуженно) забытый. Публикуемому роману исполняется ровно век; это литературный дебют автора, состоявшийся в далеком 1912 году, и единственная его книга, переведенная на русский язык. О таланте писателя можно судить по тому, с каким мастерством и тонким юмором он обыгрывает классическую ситуацию с жестоким убийством богатого джентльмена, чей обезображенный труп найден на железнодорожных путях. Оригинальность этого, казалось бы, банального расследования заключается в том, что проводит его дилетант – молодой клерк Антонин Бонассу, живший на одной лестничной площадке со знаменитым частным сыщиком Падди Вельгоном. Взяв на себя обязанность во время отъезда детектива принимать всех приходящих к нему посетителей, он однажды не избежал соблазна немного «поиграть в сыщика» и занялся расследованием вышеупомянутого дела, что привело к совершенно непредсказуемым последствием.

УДК 821.133.1  
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-501-00090-2

© Магог А., 1912  
© Алгоритм, 1912

## Содержание

|   |    |
|---|----|
| Глава I. Опасная шутка Антонина Бонассу | 7  |
| Глава II. Таинственная кража            | 15 |
| Глава III. Услужливый автомобилист      | 23 |
| Глава IV. По следам красного чемодана   | 30 |
| Конец ознакомительного фрагмента.       | 33 |

# **Анри Магог**

## **Тайна красного чемодана**

© ЗАО «Мир Книги Ритейл», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

## Глава I. Опасная шутка Антонина Бонассу

Я только что вернулся домой, как вдруг в дверь моей комнаты раздался чей-то осторожный негромкий стук.

– Войдите! – крикнул я по привычке.

Дверь нерешительно отворилась, и на пороге ее показалась бесцветная мужская фигура, произнесшая почтительным тоном:

– Господин Вельгон?

– Здесь! – развязно ответил я.

На самом деле это было не совсем так и, не отходя от истины, мне скорее следовало бы ответить:

– Господин Вельгон живет рядом со мной и в настоящее время находится в отъезде. Что же касается меня, Антонина Бонассу, его соседа, то я взял на себя обязанность принимать всех проходящих к нему посетителей и ради этого перевесил его визитную карточку на свою дверь.

Но все это надо было слишком долго объяснять, и я нашел, что будет гораздо проще и, главное, приятнее для моего самолюбия ответить, не вдаваясь в подробности:

– Здесь!

Многие, вероятно, удивятся, что за важная особа могла жить в одном из самых непрезентабельных домов улицы Пуасоньер, в самом отдаленном, хотя и живописном квартале Ниццы, и почему я так жаждал выдать себя за нее.

Но это была действительно, в особенности в моих глазах, не только важная особа, но даже знаменитость, и моему удивлению не было конца, когда недели две назад я, совершенно неожиданно, возвращаясь домой, прочел фамилию моего нового соседа.

«Падди Вельгон, частный сыщик» значилось на прибитой к двери визитной карточке.

Я едва пришел в себя от изумления. Как! Это он, тот самый Падди Вельгон, чье имя то и дело попадает на столбцах газет, связанное с самыми загадочными преступлениями? Для меня, не признающего никакой другой литературы, кроме криминальной, и живущего только одной мечтой – рано или поздно померяться силами со знаменитым сыщиком и даже, может быть, затмить его – достаточно было находиться бок о бок с моим героем для того, чтобы мной овладели самые фантастические предположения. Не было сомнения, что тут разыгрывалась какая-то таинственная драма. Иначе для чего бы ему было переезжать в такое жалкое помещение. Очевидно, так или иначе, он желал замести свои следы. Увлеченный своими предположениями, я совершенно забывал о существовании визитной карточки, категорически опровергающей мои догадки. Желая скрыть свои следы, не вывешивают на дверь свою фамилию.

Тем не менее все это казалось мне чрезвычайно странным, в особенности после того, как Падди Вельгон, едва успев переехать, внезапно скрылся с горизонта. К моему большому огорчению, я узнал о его отъезде, прежде чем успел его хоть раз увидеть.

– Он уехал в Америку, – сообщила мне моя хозяйка, – и вернется только месяца через два. Но он не хочет, чтобы кто-нибудь знал о его отъезде, и просил меня на случай, если его будут спрашивать, отвечать, что он действительно тут живет, но его нет дома и в котором часу вернется, неизвестно. Нечего сказать, приятное поручение! Воображаю, сколько к нему ходит всякого народа!

Пока она говорила, мне внезапно пришло в голову заслужить одновременно расположение и хозяйки и сыщика. С любезной улыбкой, стараясь придать своему лицу самое невинное выражение, я предложил хозяйке взять на себя исполнение столь неприятного для нее поручения. Пусть все посетители, когда я дома, обращаются ко мне. От этого они ничего не потеряют, так как и она тоже не сидит целыми днями на одном месте, а предпочитает навещать своих приятельниц.

Для большего удобства я предложил перенести визитную карточку Вельгона на мою собственную дверь, в силу чего у меня будет полная возможность действовать от имени сыщика и выпроваживать посетителей, оставляя их в полном убеждении, что Вельгон находится в Ницце.

Хозяйка пришла в восторг от этой комбинации, и выраженная ею благодарность заставила мое сердце забиться от радости при мысли, что меня точно так же будет благодарить сам Падди Вельгон.

Первые дни после этого разговора я испытывал легкое разочарование. Никто не приходил. Но после того как имя сыщика появилось в местной газете в числе прибывших в Ниццу лиц, ко мне наведались несколько человек. Я всех их выпроводил, не преминув предварительно расспросить, в чем суть их дела, и пообещав, что Падди Вельгон в скором времени займется ими специально и вызовет их к себе по мере надобности. Для этой цели я с самым серьезным видом брал адреса посетителей, стоически отказываясь от «задатка».

Эта маленькая комедия до такой степени меня увлекла, что минутами мне начинало казаться, что я и на самом деле знаменитый сыщик, и, вероятно, не что иное, как смутное желание заставить и других поверить в то же самое понуждало меня, как-то помимо собственной воли, отвечать на вопрос, здесь ли живет Падди Вельгон, коротким, безапелляционным:

– Здесь! – торопясь при этом добавлять во избежание более подробных вопросов:

– Что вам угодно?

И на этот раз, при виде входящего клиента, я задал тот же вопрос, окидывая нового посетителя любопытным взглядом. Но, к моему большому удивлению, он смотрел на меня еще с большим, чем мое, любопытством, граничившим с изумлением, смешанным с восторгом.

– Однако!.. Однако! – повторял он. – Хотя мне и говорили... Но я все-таки не ожидал ничего подобного... Это удивительно!.. Никто никогда не даст вам ваших лет!.. Как вы поразительно молоды!

Он был прав; мне было всего двадцать четыре года, но я считал, что выгляжу гораздо старше, и потому мое самолюбие было неприятно задето словами незнакомца.

– Что вам угодно? – повторил я уже суше.

– Посоветоваться с вами, само собой разумеется; моя фамилия Кристини. Я представитель страхового общества «The Universal Live». Простите, ради бога, мистер Вельгон, что я не успел вам еще представиться.

Краска удовольствия залила мое лицо. Он принимал меня за сыщика. Теперь мне стали понятными его удивление и слова о моей молодости. Настоящий Падди Вельгон почти вдвое старше меня.

Я сознавал, что имел еще возможность исправить его невольную ошибку, вывести этого человека из заблуждения, сказать, что я не имею ничего общего с мистером Вельгоном.

Но, сделав первый шаг, трудно вернуться назад. К тому же я упустил надлежащий момент, и, когда мною овладело наконец решение сказать ему правду, было уже слишком поздно. Пришлось бы раскрыть все свои карты, а это было слишком тяжело для моего самолюбия. Мало того, едва ли кто-нибудь из нас с легким сердцем решится сказать: «Я не тот, за кого вы меня принимаете», после того, как его осыплют самыми лестными комплиментами. А для меня быть принятым за Падди Вельгона было апогеем счастья. Мне казалось, что я вижу волшебный сон, что одним прикосновением чудодейственной палочки я, ничтожный мелкий чиновник министерства путей сообщения, действительно преобразился в знаменитого Падди Вельгона.

Что за беда, если я на какой-нибудь час потешу себя этой чарующей сказкой. Кому я этим помешаю? Несколько минут разговора, и я больше никогда не встречу с этим человеком.

Все эти мысли мгновенно пронеслись у меня в голове, и когда минуту спустя я поднял смущенно опущенную голову, мое решение было уже принято.

Это было, как сейчас помню, в один из мартовских вторников.

Само собой разумеется, Кристины и не подозревал о пережитом мною волнении и, вероятнее всего, приписал мое молчание глубокомысленному раздумью. Чтобы еще больше убедить его в последнем, я принял задумчивую позу и оперся на локоть, закрыв лицо рукою. Это могло быть еще полезным и в том случае, если бы мой собеседник захотел чересчур подробно рассмотреть мою физиономию.

– Занимаемая мною должность, – начал агент, – уже сама собой говорит вам о цели моего визита. Лежащая перед вами газета показывает мне, что вы уже ознакомились с делом.

Это был утренний номер «Eclairer», в котором громадными буквами выделялся заголовок: «Преступление на Южной железнодорожной сети». Я уже успел рассеянно пробежать эту небольшую заметку о найденном на полотне железной дороги обезображенном трупе мужчины, но ввиду недоказанности преступления и неопознания личности убитого не обратил на нее серьезного внимания.

– Значит, вы по этому делу? – смущенно спросил я, чувствуя себя совершенно беспомощным в этой ситуации.

– Совершенно верно, – ответил агент. – Каково было ваше первоначальное впечатление? Мои опасения подтвердились. Я набрался храбрости.

– Гм! – многозначительно произнес я. – Все это весьма подозрительно!..

– Не правда ли? – обрадовался Кристины. – Мы того же мнения. Я вижу, мы с вами быстро сталкиваемся.

– Конечно, конечно, – пробормотал я, решительно не понимая, о чем идет речь.

Агент приблизился ко мне.

– Труп опознан, – таинственно произнес он.

– Да? – прошептал я.

– Это один из наших клиентов.

– Ага! – произнес я, стараясь показать интонацией, насколько меня это интересует.

– Поэтому вы сами понимаете, как для нас важно доказать наличие самоубийства.

– Конечно, – согласился я.

– Дело идет о двухстах тысячах франков... Это не шутка.

– Конечно, конечно!

– И мы готовы ассигновать на это дело десять тысяч франков.

– Это немного! – совершенно машинально произнес я.

– Однако вполне достаточно! – с внезапной твердостью возразил агент.

У меня не было основания противоречить.

– Конечно, – согласился я.

Кристины с довольным видом потер себе руки и, раскрыв бумажник, вынул оттуда две ассигнации по пятисот франков каждая, которые положил передо мной.

– Вот на первоначальные расходы, – пояснил он.

– Ага! Хорошо! – также машинально пробормотал я, почти не понимая смысла произносимых агентом слов.

Я начинал терять голову, так как мне становилось ясно, куда это клонится. Но что было делать? Как выйти из этого ужасного положения?

– Значит, решено? – продолжал Кристины. – Вы беретесь за это дело?

– Берусь, – пролепетал я, вытирая мокрое от пота лицо.

Выхода не было. Передо мной лежали деньги. Что делать? Было от чего сойти с ума.

Меня вдруг осенила мысль, что, если я сейчас же, сию минуту не избавлюсь от этого человека, я попаду в такой капкан, откуда мне уже не будет спасенья. Надо было во что бы то ни стало выйти из этого затруднительного положения и выпроводить агента с его деньгами.

– Прежде всего, – начал я, – нам необходимо поговорить. Вам, очевидно, известны более точные подробности, чем те, которые сообщает эта газета...

– Без сомнения! – усмехнулся Кристины.

– Потому что здесь, собственно, нет никаких подробностей, – нерешительно указал я на «Eclairer».

– Совершенно верно... И тем не менее вы уже успели составить себе мнение, – любезно произнес агент.

Я вспыхнул до корней волос.

– Нельзя полагаться на чересчур поспешные выводы, – пробормотал я. – Может быть, вы не откажетесь сообщить мне все, что вам известно.

– С удовольствием. Желаете вы задавать мне вопросы?

– Нет, нет! – поспешно воскликнул я. – Расскажите мне сами как можно подробнее. И начните с самого начала. В подобного рода делах повторения никогда не бывают излишними.

Я уселся поудобнее. Таким образом, – пронеслось у меня в голове, – будет выиграно время: пока мой собеседник станет рассказывать, я буду молчать и искать выход из своего положения.

Мое предложение, видимо, понравилось агенту.

– Вы правы! – воскликнул он. – Как вам уже известно, вчера вечером на Южном вокзале, по прибытии поезда из Пюже-Тенье, в вагоне первого класса были обнаружены: помятая шляпа, револьвер и большое кровавое пятно на диване. Мало того, дверца вагона, выходящая на заднюю площадку поезда (вагон шел последним), оказалась открытой.

– Шляпа, револьвер, кровавое пятно, – глубокомысленно произнес я, как бы придавая особенное значение этим словам.

– Насколько помнит кондуктор, в этом вагоне был только один пассажир, имевший билет до Ниццы. При нем был большой чемодан. Нельзя допустить, чтобы, выходя из вагона и взяв с собой чемодан, он оставил там шляпу и револьвер. Наконец, это кровавое пятно! С другой стороны, невозможно также предположить несчастный случай, так как едва ли незнакомец вышел бы на площадку с чемоданом в руке, но без шляпы. Я позволяю себе останавливаться на этих подробностях ввиду того, что все они были выяснены прежде, чем пришли к решению телеграфировать на все железнодорожные станции с предписанием произвести тщательный осмотр пути. Результатом осмотра явилось обнаружение сегодня утром в туннеле около Месклы пустого чемодана и обезображенного до неузнаваемости, полуобуглившегося трупа.

– Каково было положение трупа? – спросил я. – Это очень важно.

– Он лежал ничком поперек двух рельсовых путей, с вытянутыми вперед руками, которые так же, как голова и ноги, представляют собою бесформенную кровавую массу.

– Одну минуту... – перебил я. – Сколько мне помнится, вы сказали, что вагон, в котором ехал исчезнувший пассажир, находился в самом конце поезда...

– Совершенно верно. И это был последний ночной поезд в Ниццу.

– В котором часу был обнаружен труп?

– До прохода первого утреннего поезда. Ага, вы тоже обратили на это внимание! – радостно воскликнул Кристины.

– В таком случае, – важно произнес я, – каким образом объяснить обезображение трупа... Кроме того, вы, кажется, сказали, что он обгорел.

– Совершенно верно... Но вот что чрезвычайно важно: труп был обнаружен не на том пути, по которому шел поезд, в котором ехал неизвестный, а на встречном, из Ниццы в Пюже-Тенье.

– Так! – воскликнул я. – Это называется удачно упасть.

– Еще как, – усмехнулся агент, обмениваясь со мной саркастическим взглядом. – Заметьте при этом, что он упал с такой ловкостью, что встречный поезд, прошедший через час, – обратите на это внимание, – через час после его падения, превратил его в почти бесформенную массу.

– Черт знает что такое! – прошептал я, тщетно стараясь сделать из всего услышанного какой-нибудь подходящий вывод, которого, видимо, ожидал мой собеседник. Все мои усилия были напрасны, я не мог сосредоточиться. Наконец, мне пришли на ум слова агента, и я воспользовался ими, чтобы так или иначе выйти из неловкого положения.

– Одним словом, – произнес я, – вы подозреваете самоубийство?

– Так же, как и вы, – ответил Кристини.

– Ага! Так же, как и я, – повторил я без всякого убеждения в голосе. – Тем не менее с этим не все согласятся... Нам будет нелегко это доказать.

– Конечно... Но если бы само дело не было затруднительным, мы и не обратились бы к вашей помощи.

В глубине души я искренне пожалел об этом.

– Главным аргументом в пользу вышеупомянутого подозрения, – продолжал Кристини, – служит то обстоятельство, что, видимо, были употреблены все старания к тому, чтобы доказать наличие убийства, а не несчастного случая. С последним неизменно связано представление о самоубийстве, между тем как убийство...

– Вы правы, – согласился я, – если принять во внимание чемодан... Кончая счета с жизнью, обыкновенно не берут с собой чемодана.

– Нет, но его в таких случаях заранее бросают на полотно железной дороги, чтобы симулировать грабеж.

– Вы забываете его содержимое...

– Вдоль полотна идет река. Кто знает, может быть, вы там что-нибудь и найдете.

– Возможно, – согласился я, соблазненный заманчивой перспективой розысков, которые я мог бы проводить под именем Падди Вельгона. Вот был бы триумф, если бы мне удалось раскрыть истину.

– Да и наконец, – заметил Кристини, – чемодан мог быть взят в дорогу пустым.

– Вполне, – глубокомысленно согласился я.

– Принимая во внимание положение трупа, нельзя допустить, чтобы он упал случайно; но зато вполне возможно, что он был положен или даже лег таким образом сам... Соскочив с поезда, он спрятался в туннель и подождал прохода встречного поезда.

– Это очень сложно. Можно также заподозрить, что он был сброшен на полотно убийцей.

– Он не мог бы упасть таким образом.

– Убийца мог прыгнуть следом за ним и уложить его на рельсы.

– Он бы поднялся.

– Он мог быть без сознания, ранен... может быть, убит... В револьвере были целы все пули?

– Одной не хватало, но это ничего не доказывает, выстрел мог быть произведен только для того, чтобы ввести в заблуждение всех нас.

– Все это только предположения, – произнес я. – И таких предположений будет еще множество.

– Ваше дело в них разобраться, – подмигнул мне Кристини. – Я вам только указываю следы, от вас зависит дальнейшее: подтвердить мои подозрения или опровергнуть. Я надеюсь на первое. Что ни говорите, а здесь пахнет самоубийством. Вы также подозреваете это.

– Но, возможно, по несколько иным причинам, чем вы, – ответил я. – На каком основании вы настаиваете на самоубийстве?

– Очень просто. По словам кондуктора, наш клиент был в вагоне один. В Малоссене к нему никто не вошел. А между тем труп был найден именно между Малосенной и Месклой. Каким образом мог появиться убийца?

– Он мог войти во время пути.

– Вы забываете, что на Южных дорогах нельзя переходить во время движения поезда из одного вагона в другой.

– Да, но позвольте. Существуют так называемые смешанные вагоны, из двух классов, сообщающихся между собой дверью.

– Так именно и было в данном случае. Но ручка от двери находилась только со стороны первого класса, благодаря чему пассажир второго класса никоим образом не мог проникнуть в первый. Следовательно, незнакомец не мог с этой стороны подвергаться какой-либо опасности. Даже кондуктор и тот находился в это время в одном из первых вагонов. Одним словом, убийцы нет, а отсюда вывод: нет убийцы, нет и преступления.

Я начал колебаться.

– Но симуляция его тем не менее налицо, – продолжал агент. – И для нас лично вся эта история вполне ясна. Убийство должно было свершиться, мы ждали его со дня на день.

– Вследствие каких причин?

– Само собой разумеется, – страхования. Месяц назад герой этого печального случая вошел с нами в переговоры, желая застраховать свою жизнь в пользу указанной им особы. Причем соглашался на внесение в договор статьи о самоубийстве, на которой мы особенно настаивали, ввиду исключительно крупной суммы – двухсот тысяч франков. Дело это тянулось довольно долго, как вдруг, несколько дней назад, он стал нас так торопить, что пришлось покончить этот вопрос без промедлений, и три дня назад мы выдали ему полис. Теперь видите, что из этого вышло.

– Но вы сами говорите, что страховая премия не выдается в случае самоубийства клиента, и незнакомец ничего не имел против этой статьи.

– Совершенно верно. Но надо заметить, что он примирился с ней только потому, что она тормозила дело. Других причин для отказа у нас не было. Медицинский осмотр дал блестящие результаты. Ну, он и решил симулировать убийство.

– Но к чему такая поспешность?

– Это уж ваше дело разузнать. Что касается нас, то мы подозреваем, что он был накануне разорения и это могло обнаружиться со дня на день.

– Понимаю! – воскликнул я. – Он хотел обеспечить свою жену?

Кристине довольно непочтительно пожал плечами.

– Полис составлен далеко не на ее имя, – усмехнулся он, – и это обстоятельство еще более подтверждает наши предположения. Интересующая его особа не состоит с ним ни в какой степени родства и потому юридически не может являться его наследницей. Единственный способ обеспечить ее – именно тот, к которому он прибегнул: страховая премия.

Агент в волнении ударил кулаком по моему столу. Я не решился ему противоречить.

– Это не лишено некоторой доли героизма, – только заметил я.

– Тем не менее это случается чаще, чем предполагают, – глубокомысленно заметил агент. – Иногда бывает легче разом положить конец своим мучениям, чем выносить их изо дня в день... Кроме того, возможно, что его кто-нибудь наталкивал на эту мысль...

– Ага! Понимаю! – в том же тоне произнес я. – И вернее все та самая особа...

– Или кто-нибудь другой, – прервал меня Кристины. – Это нас мало интересует. Наша задача не в том, чтобы обвинять. Мы желаем одного: соблюдать денежные интересы общества. Я вам только указываю путь. Остальное в вашей власти.

– Конечно, конечно, – машинально повторил я, не думая о том, что я лишний раз подтверждаю свое согласие заняться чуждым для меня делом. Но я уже плохо владел собой, меня охватила знакомая жажда успеха, и я весь загорелся мыслью о таинственном происшествии.

– Итак, – продолжал агент, – возможны только два случая: или самоубийство будет доказано сразу и, следовательно, вопрос о страховой премии выяснится сам собой, или обнаружатся обстоятельства, говорящие в пользу убийства, что для нас будет, конечно, малоутешительным

и вызовет необходимость более тщательного расследования... Во всяком случае, вам необходимо сейчас же отправиться на место происшествия.

– Вы думаете?.. – пробормотал я, сразу отрезвленный этими словами.

Несмотря на все свое возбуждение, я все-таки понимал, чем я рискую, окончательно перевоплощаясь в знаменитого Падди Вельгона.

– Безусловно, – не терпящим возражений тоном произнес агент. – Нельзя терять ни одной минуты. Время и так уже упущено. Там уже с раннего утра работают судебные власти и полиция. Возможно, что они облегчат вашу задачу.

– Или, наоборот, только испортят дело! – с апломбом заявил я, входя в роль сыщика, критикующего действия полиции.

– Следовательно, мы возлагаем все наши надежды на вас, – сказал Кристины. – И повторяю еще раз (он, видимо, прочел на моем лице некоторое колебание): в случае удачи мы позволим себе предложить вам вознаграждение в размере десяти тысяч франков, не считая, конечно, этой тысячи франков на расходы, которая поступает сейчас в ваше полное распоряжение.

Я невольно закрыл глаза. Мне показалось, что вокруг меня засверкали яркие золотые искры. Тысяча франков в кармане и возможность заработать в короткое время еще десять тысяч, не говоря уже о сопряженной с ними славе! Может быть, сама судьба толкает меня на новый путь. Кто знает, что ждет меня в будущем. Да и, наконец, взять эти деньги не значит еще совершить преступление, это не воровство, я заработаю их и приложу все усилия, чтобы оправдать доверие обратившихся ко мне лиц.

Чем я рискую? Падди Вельгон не вернется раньше двух месяцев. А до тех пор все будет уже кончено, и я буду окружен ореолом славы.

Напрасно какой-то тайный голос твердил мне, что я поступаю опрометчиво, что у меня нет ни опыта, ни знания дела для того, чтобы выполнить порученную мне по ошибке задачу, – я ничего не хотел слышать и смело положился на свою счастливую звезду.

– Хорошо, – решительно произнес я. – В таком случае, я выеду завтра с первым поездом. Но одно условие: полная тайна. Я желаю сохранить полнейшее инкогнито. Это даст мне большую свободу действий.

– Мне известна ваша осторожность, – одобрительно произнес мой собеседник, видимо, довольный результатом нашей беседы. – Я слышал, что вы прямо волшебник по части трансформации.

– Я сегодня же вечером постараюсь повидать сопровождавшего поезд кондуктора. Он может дать нам некоторые полезные сведения.

– Это ваше дело. Не нам вас учить, – произнес Кристины, поднимаясь с места и протягивая мне руку.

– Мы забыли одну небольшую подробность, – улыбнулся я. – Имя убитого. Вы сказали, что его личность опознана, но в газетах об этом нет ни звука.

– Это некто господин Монпарно, представитель торговых фирм.

– Монпарно? – невольно громче, чем следовало, вырвалось у меня.

– Да... Вы его знаете?

– Нет... не лично, но мне приходилось уже слышать о нем, – произнес я, стараясь подавить охватившее меня волнение. – Вы не ошибаетесь? Это действительно он?

– Конечно. При нем найдены бумаги, затем его костюм... Никаких сомнений. Если желаете, я могу сообщить вам о нем дополнительные сведения.

– Нет, нет, – заторопился я, – с меня довольно одного имени. Через час я буду уже знать о нем все подробности.

Эта уверенность, видимо, произвела на агента самое приятное впечатление.

– В таком случае, я вас покидаю, – сказал он, берясь за ручку двери. – До свиданья!

– До свиданья! – повторил я, затворяя за ним дверь. В ту же минуту я стремительно бросился к письменному столу, запер в один из ящичков полученную тысячу франков и, схватив пальто и шляпу, стремительно помчался по лестнице.

Господин Монпарно покончил с собой! Монпарно, опекун Софи Перанди!

## Глава II. Таинственная кража

С тех пор как мне стало известно, что герой кровавой драмы господин Монпарно, мое собственное приключение отошло для меня на второй план. Обещая агенту узнать все подробности жизни его клиента, я имел в виду только как можно скорее выпроводить его из своей комнаты и бежать, не теряя ни минуты, на квартиру несчастного представителя торговых фирм. В течение всей дороги мне ни разу не пришло в голову задать себе вопрос: что будет со мной? Как удастся мне выйти из созданного мной самим затруднительного положения? Мои мысли были полны одним: господин Монпарно умер! Господин Монпарно убит или лишил себя жизни. Неужели это правда? Что ожидает теперь Софи?

Теперь я уже твердо верил, что мною руководит сама судьба, так как по какому-то невероятному стечению обстоятельств я не только знал лично жертву этой кровавой драмы, но даже вся моя собственная жизнь, все мое счастье находились в полной зависимости от этого человека.

Господин Монпарно был опекуном Софи Перанди, в которую я был безумно влюблен. Как он, так и молодая девушка отлично знали о моем чувстве, и, несмотря на то что я еще не получил официального согласия на сделанное мной предложение, мне было разрешено бывать у Монпарно как можно чаще, и в глубине души я уже считал Софи своей будущей женой.

Семья Монпарно состояла, во-первых, из самого представителя торговых фирм, человека лет сорока, жизнерадостного, веселого, любящего пошалить на стороне, к великому неудовольствию жены; во-вторых, госпожи Монпарно, женщины до крайности мелочной, раздражительной и озлобленной, гораздо старше своего мужа, изводившей его ревностью и пиленьем, от которых, пользуясь своей профессией, он исчезал на целые дни, и, наконец, отдаленной племянницы госпожи Монпарно Софи Перанди, которая с утра до вечера испытывала на себе все прелести очаровательного характера своей тетушки. Будучи сиротой и не имея никаких средств существования, она принуждена была мириться со своим тяжелым положением, с нетерпением ожидая своего совершеннолетия, когда она, наконец, очутится на свободе и будет иметь возможность сделаться моей женой. Как ни тяжело мне это воспоминание, должен сказать, что она была очаровательна, живая, остроумная, с глубокими, горящими, как звезды, глазами; она была гораздо умнее и, как это ни странно, лучше знала жизнь, чем я.

Я любил ее до безумия. Поэтому первая мысль, пришедшая мне в голову, когда я узнал о смерти Монпарно, была, конечно, о Софи.

Они жили на улице Пасторелли. Я летел туда, как на крыльях, и через несколько минут был уже на месте. На дверях их квартиры висел замок, и одна из соседок объяснила мне, что госпожа Монпарно и ее племянница тотчас же по получении печального известия, приблизительно час назад, отправились по делу к кому-то из своих знакомых.

Я вышел на улицу, намереваясь так или иначе подождать их возвращения. Но едва мне удалось сделать несколько шагов по тротуару, как вдали на углу улицы показались силуэты обеих дам. Я бросился им навстречу.

– Какое ужасное несчастье!

– Вам уже известно? – по обыкновению желчно ответила госпожа Монпарно.

Софи, видимо, только что плакала. Глаза ее были красны, и глубокие вздохи то и дело вырывались из груди. Я понимал ее горе. Господин Монпарно всегда являлся ее защитником перед теткой, и единственными спокойными днями ее жизни были те, которые он проводил дома вместе с ней.

– Бедная Софи! – прошептал я, пожимая ей руки.

– Бедная Софи! – с раздражением повторила госпожа Монпарно, пожимая плечами. – А я не бедная, нет? Чем я теперь буду жить?

Мне вспомнились слова агента о материальном положении его клиента.

– Разве после него ничего не осталось? – нерешительно спросил я.

– Пустяки! Все, что у нас там наверху, – вздохнула она. – Тысяч двадцать франков, не больше.

Я хотел было заметить, что и это все-таки не совсем плохо, но госпожа Монпарно не дала мне времени выразить свою мысль словами.

– Нечего сказать! – гневно воскликнула она. – Нашел время быть убитым! Самый подходящий момент! Дурак!..

– Что вы говорите! – возмутился я этим оскорблением памяти усопшего.

Но госпожа Монпарно не обратила на это внимания. Она схватила меня за руку и, потрясая ею, заговорила каким-то особенно пронзительным голосом:

– При нем было десять тысяч франков! Понимаете, молодой человек, десять тысяч франков!

– Понимаю, понимаю, – проговорил я, морщась от боли и стараясь освободить руку. – И что же этих денег при нем не оказалось?

– Ни одного су! – простонала вдова, отпуская, наконец, мою руку. – При нем были найдены все его документы, визитные карточки, пустой бумажник, – одним словом, всякая ерунда. Но ни денег, ни ключей, ни даже его мундштука!

Это обстоятельство сразу разрушало возможность самоубийства. Эта мысль не огорчила и не обрадовала меня.

– Не известно, кто его убил? – машинально задал я вопрос.

– Рано или поздно узнают! – свирепо произнесла госпожа Монпарно. – У него всегда была глупая привычка во всех трактирах хвастаться своими деньгами. Там и надо искать!

– Вы правы! – задумчиво произнес я. Во мне снова проснулся инстинкт сыщика.

– Когда он уехал? Вам известен его маршрут?

– Позвольте... – Она посчитала по пальцам. – Да, он уехал в субботу вечером в Пюже, кажется, так, Софи? Значит, в воскресенье он должен был быть в Сен-Пьере, в понедельник – в Вилларе и вечером должен был вернуться.

– Какой при нем был багаж?

– Сейчас скажу. Во-первых, его саквояж, там были разные мелочи, а затем, как всегда, его большой красный чемодан с образцами материй.

– Где же находится этот чемодан?

– И правда! – воскликнула госпожа Монпарно. – Куда он девался? Мы и забыли спросить. Надо будет узнать, Софи. Там были очень дорогие образцы... Не пройти ли нам на вокзал?

– Если позволите, я узнаю это сам.

– Буду вам очень благодарна. Мы должны скорее вернуться домой, сейчас придет судебный пристав наложить печати... У покойного есть еще брат. Но я надеюсь, что он сделал духовное завещание! – В голосе госпожи Монпарно послышались шипящие нотки. – Зайдите к нам на минуту, господин Бонассу, вы можете мне отыскать его.

Продолжая разговаривать, мы мало-помалу дошли до подъезда дома, где жили Монпарно. Софи по-прежнему молчала. Желая найти минуту, чтобы сказать ей хоть одно слово утешения и поддержки, я принял предложение госпожи Монпарно и стал подниматься по лестнице следом за обеими женщинами.

Но едва успели мы дойти до половины лестницы, откуда уже видна была входная дверь Монпарно, раздался оглушительный взрыв, потрясший весь дом сверху донизу. Мои спутницы громко вскрикнули и, точно прикованные, бледные как полотно, замерли на месте, дрожа всем телом. Я, не теряя присутствия духа, быстро опередил их и в одну секунду оказался на верхней площадке лестницы. Для меня не было сомнений, что взрыв произошел именно в квартире Монпарно.

– Ключ! Скорее ключ! – закричал я своим спутницам.

Прошло несколько секунд, прежде чем госпожа Монпарно поняла мои слова, нашла в кармане ключи и дрожащей от испуга рукой передала их мне. И она, и Софи едва держались на ногах.

Со всех сторон лестницы одна за другой раскрывались двери, выглядывали испуганные лица и раздавались взволнованные голоса.

– Что случилось? Где был взрыв? Что такое?

– В квартире госпожи Монпарно! – закричал я. – Спуститесь, пожалуйста, кто-нибудь на улицу и посмотрите, целы ли окна и не идет ли из них дым.

В ту же минуту я вложил в замок ключ и открыл дверь. На меня сразу, уже в передней, пахло каким-то едким запахом. Я прошел в другие комнаты. В кабинете господина Монпарно около одной из стен мне сразу бросился в глаза широко раскрытый, поврежденный взрывом большой железный сундук.

Вошедшие следом за мной соседи громко вскрикнули:

– Мадам Монпарно! Это взорвался ваш сундук!

Несчастливая женщина в одно мгновение была уже в комнате.

– Процентные бумаги! – прерывающимся от волнения голосом закричала она. – Где мои процентные бумаги?

Сундук был пуст... Мне это сразу бросилось в глаза так же, как и госпоже Монпарно. Тем не менее я старался успокоить ее.

– Не надо так отчаиваться, – говорил я, пробуя усадить ее на стул. – Надо смотреть на все это хладнокровнее.

– Хладнокровнее! – закричала она, потрясая в воздухе кулаками. – Хладнокровнее! Ну, еще бы! А! Скажите пожалуйста! Меня грабят, меня убивают. А я должна быть хладнокровнее!

Слезы брызнули у нее из глаз, и, изнемогая от ярости и отчаяния, она, почти лишившись чувств, сама упала на стул, поддерживаемая бледной, по-прежнему безмолвной Софи.

– Не выпускайте никого из квартиры! – закричал я, предоставив госпоже Монпарно ее собственной участи.

Надо было прежде всего обыскать всю квартиру. Злоумышленник, без сомнения, не успел еще скрыться. Несмотря на разбитые стекла, все оконные рамы были целы и сами окна, видимо, были крепко заперты. Кроме того, с момента взрыва до нашего появления в квартире прошло так мало времени, что вор не имел физической возможности бежать каким бы то ни было способом. Следовательно, мы должны были накрыть его тут же, на месте преступления?

Я внимательно осмотрел сундук.

– Все бумаги лежали на верхней полке, – простонала госпожа Монпарно. – А внизу, в деревянном ящике, деньги.

Увы! От тех и других не осталось никакого другого следа, кроме пустого деревянного ящика. Сомнений не оставалось: мы имели дело с грабежом.

Как раз в эту минуту в кабинет вернулись осмотревшие всю квартиру соседи. Нигде никого не оказалось.

– Может ли это быть... Окна были заперты...

– Вы не обратили внимания на каминные трубы?

– Закрыты. Да и, кроме того, они настолько узки, что вор не мог бы туда пролезть. Но в таком случае, каким же образом он мог выйти?

– Вы осмотрели все шкафы?

– Везде смотрели, даже под кроватями.

Для успокоения совести я подошел к окну и, раскрыв его, выглянул на улицу.

Перед домом уже собралась толпа любопытных.

– Не видели ли вы, господа, не выходил ли кто-нибудь отсюда?! – закричал я.

Все дали отрицательный ответ. Я снова вернулся к сундуку.

– Во всяком случае, – прошептал я, – деньги не могли исчезнуть сами собой. Да и, наконец, для того, чтобы взорвать сундук, кто-нибудь должен же был подложить заряд.

Все это было до крайности загадочно. Я чувствовал, что мною начинает овладевать отчаяние, и, не спуская глаз с рокового сундука, тщетно искал разгадку этой невероятной тайны.

Вдруг из груди моей вырвался радостный крик.

Заряд был положен вовнутрь сундука. Это сразу было видно по нанесенным повреждениям, которые шли снизу вверх. Кроме того, очевидно, давление воздуха шло изнутри наружу, так как одна из металлических стенок сундука валялась на полу посреди комнаты, в самом же сундуке не осталось ни одного осколка.

При более подробном осмотре внутренности сундука я даже нашел место, где был положен заряд, в левом углу, около крыши. Там виднелись еще остатки фитиля, прикрепленного к деревянной дощечке несколькими булавками, количество которых указывало на то, что фитиль был значительной длины и, следовательно, мог гореть в течение долгого времени. Это последнее открытие окончательно сбilo меня с толку. Чтобы положить таким образом заряд, злоумышленник должен был прежде всего раскрыть сундук; а раз он его раскрыл, какой же смысл был его взрывать? Как я ни ломал голову, этот вопрос оставался для меня открытым.

Между тем рыдания госпожи Монпарно становились все громче, и я вынужден был, наконец, чтобы хоть сколько-нибудь сосредоточиться, выйти из кабинета в кухню, где никто не мешал мне обдумать все обстоятельства этого таинственного дела. Едва войдя туда, я сразу обратил внимание, что ведро с помоями, обыкновенно стоявшее около водопроводного крана, было передвинуто на другое место и вокруг него валялись всевозможные отбросы, как будто все ведро было перерыто и поспешно отодвинуто на первое попавшееся место. Едва эта мысль пришла мне в голову, как я, в свою очередь, мгновенно высыпал содержимое ведра на пол и несколько секунд спустя уже увидел среди груды мусора небольшой ключик. Разгадка волнованной меня тайны была в моих руках.

Если этот ключ действительно принадлежит сундуку господина Монпарно, следовательно, он был спрятан в ведро самим злоумышленником и взрыв являлся простым желанием ввести всех в заблуждение. Когда он произошел, неизвестный был уже далеко, захватив с собой и процентные бумаги и деньги. Но каким образом ему удалось бежать? Как он мог попасть в квартиру? Весьма возможно, что, имея в руках ключ от сундука, он не преминул запастись также ключом от входной двери. При убийстве Монпарно не было найдено ключей, следовательно, они были у его убийцы. Одно вытекало из другого; мало-помалу мне удастся добраться до истины.

Я снова вернулся в кабинет и стал внимательно осматривать полуразрушенный взрывом сундук. Замок каким-то чудом остался в полной неприкосновенности, и при первой попытке вложить в него найденный мною ключ я увидел, что мои предположения оправдались: ключ был действительно от сундука.

– Когда обыкновенно выносят ведро с помоями? – спросил я, подходя к госпоже Монпарно.

Софи бросила на меня изумленный взгляд.

– Что за странный вопрос.

Я поспешил извиниться.

– Это имеет очень важное значение. Иначе я не позволил бы себе... – начал я, бросая на нее нежный взгляд.

– Его выносят каждое утро, – простонала госпожа Монпарно.

«Значит, ключ был запрятан злоумышленником сегодня», – мелькнуло у меня в голове.

– Среди ключей, бывших при господине Монпарно, находился ли ключ от квартиры? – снова спросил я.

– Само собой разумеется! – ответила вдова.

– И от сундука тоже?

– Конечно. Он всегда таскал с собой все ключи. – В голосе госпожи Монпарно снова послышалось раздражение. – Да! Нельзя сказать, чтобы я была с ним очень счастлива! И тем не менее я не могу его не оплакивать. Ни одного су!.. Боже мой! Ни одного су!.. Что я буду делать?

Меня мало трогало ее отчаяние, тем более что Софи не сводила с меня вопросительного взгляда, видимо, ожидая моего заключения.

– Значит, вы предполагаете... – почти прошептала она.

– Да, предполагаю, – глубокомысленно повторил я.

– Что это *одно и то же* лицо?..

– Одно и то же. Никто другой не мог иметь ключей. Среди вещей, найденных при убитом, *он* нашел связку ключей, может быть, записную книжку, в которой упоминалось о сундуке и хранящихся в нем ценностях, вероятно, адрес... Этого было достаточно... *Он* забрался сюда... Подождал, пока вы уйдете... Конечно, надо обладать для этого отчаянной храбростью...

– Вы правы, – задумчиво произнесла Софи, – это вполне правдоподобно.

– Будьте уверены, что это произошло именно так, – подтвердил я. – Нам еще придется повозиться с этим негодяем!

– Повозиться? Почему? Что вы хотели этим сказать? – удивленно воскликнула Софи.

Я не успел ответить. В комнату вошел судебный пристав.

Госпожа Монпарно, снова заливаясь слезами, во что бы то ни стало пожелала обратить его внимание на взорванный сундук. Но судебный пристав деликатно пояснил ей, что это касается комиссара, за которым уже послано, его же обязанность заключается только в наложении печатей и охране имеющегося имущества. Вследствие чего, выразив свое соболезнование по поводу постигшего ее двойного несчастья, он попросил у госпожи Монпарно разрешения задать ей некоторые вопросы. Госпожа Монпарно со свойственной ей практичностью сразу поняла суть дела и поспешила заявить о существовании завещания в ее пользу, добавив при этом, что она не позволит ограбить себя всякого рода жалким родственникам, которые при жизни мужа не переступали порога их дома.

Судебный пристав безропотно покорился ее желанию и, открыв ящик письменного стола, начал искать завещание.

– Я не нахожу никакого завещания, – сказал он после нескольких минут самых добросовестных поисков. – Но позвольте, – добавил он сейчас же, – вот чрезвычайно важная бумага... Страховой полис... Однако! Ого! Это становится интересным. Двести тысяч франков!..

– Двести тысяч франков!.. – задыхаясь от волнения, повторила вдова. Лицо ее покрылось красными пятнами. Она едва стояла на ногах.

– Мой бедный, дорогой муженек! – зарыдала она вдруг. – Застраховать свою жизнь! Какая великодушная мысль!.. Какое благородство!..

Ей даже не могло прийти в голову, что он мог застраховать свою жизнь не в ее пользу. Между тем это было именно так. Я вспомнил слова Кристины и с любопытством следил за разыгрывающейся передо мной драмой. Лицо судебного пристава выражало некоторое смущение.

– Это действительно страховой полис и составлен вполне законно, но... – в голосе его послышалось сочувствие, – к сожалению, вы тут ни при чем. Все двести тысяч франков поступают в собственность некой мадемуазель Перанди.

Госпожа Монпарно мгновенно вскочила со стула.

– Софи? – закричала она не своим голосом.

Молодая девушка поднялась с места.

– Мне?.. – растерянно произнесла она.

Я был взволнован не менее их. Мне казалось, что на голову свалился какой-то тяжелый камень. Я не мог опомниться. Это была Софи? Софи получала страховую премию!

На самом деле в этом не было ничего удивительного. Вполне естественно, что господин Монпарно, как опекун, захотел обеспечить молодую девушку. Правда, сумма была несколько велика, но если ее давали, почему бы не взять. Меня смущало совсем другое: те таинственные обстоятельства, при которых Софи получала эти деньги, невольное сопоставление только что подписанного полиса и смерти господина Монпарно. На это волей-неволей будет обращено внимание, появятся всевозможные толки. Начало уже положено. Достаточно вспомнить намеки Кристины. Подозрение о самоубийстве снова закралось в мою душу. Бедная Софи!

Но грабеж? Как тогда объяснить этот двойной грабеж? Мне казалось, что я схожу с ума.

В то время как эти мысли проносились у меня в голове, госпожа Монпарно предавалась самому бурному гневу.

– Негодяйка! Воровка! – кричала она, бросаясь к молодой девушке. – Ты обокрала меня!

– Уведите мадемуазель Перанди! – крикнул мне судебный пристав, стараясь удержать вырывающуюся от него госпожу Монпарно.

Я взял Софи под руку. Она едва держалась на ногах. Я отвел ее в столовую и усадил в глубокое кресло, где любила отдыхать после обеда страдавшая дурным пищеварением хозяйка дома. Молодая девушка не сопротивлялась. Она едва сознавала то, что происходило вокруг нее.

– Успокойтесь, Софи, успокойтесь, – говорил я, стараясь привести ее в себя. – Будьте мужественны, умоляю вас!..

– Ничего, ничего, не беспокойтесь, – говорила она, постепенно овладевая собой, – мне уже лучше. Столько потрясений за один день. Есть от чего умереть.

– Не надо! Ради бога! – воскликнул я. – Все устроится. Госпожа Монпарно успокоится, поймет...

– Дойти до такого состояния из-за денег!.. – простила Софи. – Вы слышали, как она на меня кричала?

– Забудьте об этом. Вы знаете ее характер...

– Настоящая ведьма! Как она отравляла жизнь своему мужу. Если бы его не убили, он, наверно, рано или поздно покончил бы с собой.

– Ради бога, не говорите этого, – испугался я.

К счастью, мы были одни. Но эта неосторожная фраза разом пробудила во мне мои сомнения.

– Скажите мне, – прошептал я взволнованно, – скажите мне... Вчера вечером вы... были в Ницце?

– А где же я могла быть? – пожала она плечами.

– Здесь? В этой комнате? – добивался я.

– В котором часу?

– От шести до восьми.

– Нет. В это время госпожа Монпарно и я были у госпожи Орселли. Там мы обедали и отправились все вместе в казино.

Я облегченно вздохнул.

– И долго оставались там? – спросил я почти веселым тоном.

– До двенадцати часов.

– А потом?

– Потом вернулись домой и легли спать.

– Значит, госпожа Монпарно может засвидетельствовать, что вы провели ночь здесь?

– Конечно. Тем более что во время отсутствия ее мужа я сплю с ней в одной комнате.

Но почему вы меня об этом спрашиваете?

– Так! – ответил я уклончиво. – Просто так, пустяки... Теперь, когда тяжесть подозрения спала с моей души, мне не хотелось посвящать ее в мои мрачные мысли.

Само собой разумеется, что мне ни на одну минуту не пришла в голову мысль, что Софи может быть виновницей смерти своего опекуна. Но я не мог забыть таинственных намеков Кристины, которые в данную минуту казались мне вполне объяснимыми, являясь естественным следствием желания во что бы то ни стало соблюсти интересы своего общества, даже если бы для этого необходимо было прибегнуть к клевете. Поэтому мне было особенно приятно сознавать, что Софи может доказать свое алиби. Само собой разумеется, что, будучи между шестью часами вечера и полуночью в обществе госпожи Орселли в казино, она не могла в то же самое время очутиться в окрестностях Месклы. Следовательно, она могла быть спокойна. Все подозрения Кристины были плодом его разгоряченной фантазии.

Оставался вопрос о самоубийстве. Но это выяснить – уж дальнейший ход дела.

– Почему вы меня об этом спрашивали? – тревожно переспросила Софи.

«Не лучше ли предупредить ее? – подумал я. – Зная, в чем дело, ей легче будет избежать расставленной страховым обществом западни».

– Послушайте, Софи, – серьезно произнес я, – то, что я вам сейчас раскрою, лишний раз докажет вам, как я вам доверяю и как глубоко мое чувство. Об одном прошу, не судите меня слишком строго.

– Вы отлично знаете, что бы вы ни сделали, я не могу относиться к вам строго, – улыбнулась она своей чарующей улыбкой.

Ободренный ею, я рассказал, как мне это ни было тяжело, все: свое увлечение сыском, свое ребячество, визит Кристины, как я разыграл из себя Падди Вельгона. Она выслушала мою исповедь вполне спокойно, и даже время от времени лукавая улыбка скользила по ее губам. Только когда я дошел до слов агента в ее адрес, ее лицо приняло серьезное выражение.

– Боже мой! – печально воскликнула она. – Как люди злы! Стоило только бедному крестному (она всегда называла так господина Монпарно) сделать для меня доброе дело, как все уже восстало против меня.

– Только не я! – нежно произнес я.

– Верите ли, я готова отказаться от этих несчастных денег.

– Зачем? – возразил я. – Если они по закону принадлежат вам, никто их у вас не отнимет. До сих пор все говорит за то, что господин Монпарно действительно убит.

– Что же из этого? Они сумеют доказать противное. Они найдут свидетелей, которые за деньги покажут что угодно.

– Хотел бы я посмотреть, как это будет! – воскликнул я. – Я-то ведь тоже кое-что понимаю!

Она устремила на меня задумчивый взгляд.

– Не думайте, что я так дорожу этими деньгами... Все равно я отдам половину всей суммы тете. Но благодаря тому, что у меня останется, мы могли бы сейчас же повенчаться.

Я покраснел почти так же, как и она. Она в первый раз так определенно говорила о нашей свадьбе.

– Дорогая Софи! – воскликнул я, покрывая поцелуями ее руки.

– Но что вы думаете теперь делать? – продолжала она. – Вы теперь связаны с агентством.

– Я пошлю его к черту! – воскликнул я. – Если понадобится, скажу, как было дело.

– И это будет глупо.

– Но вы же понимаете, Софи, что я не могу идти против вас.

– И не надо. При чем тут я? Вы докажете совершившийся факт, и только. Я гораздо больше доверяю вам, чем постороннему.

– Вы правы! – воодушевился я. – Действительно, лучше, чтобы розыски производил я.

Мое воображение мгновенно указало мне цель, к которой я должен был стремиться. Вместо того чтобы подтасовывать факты для доказательства самоубийства, я постараюсь доказать, что господин Монпарно был действительно убит, и, может быть, даже найду убийцу.

– Жребий брошен! – с энтузиазмом воскликнул я. – Я Падди Вельгон.

– Что же касается денег, – успокоила меня Софи, – не тревожьтесь. Мы вернем их из моего приданого.

Итак, меня ожидало впереди все: и слава, и богатство, и любовь. Я чувствовал, как во мне пробуждалась все большая энергия.

– Завтра рано утром я буду в Мескле.

– Не скрывайте от меня ничего.

– Конечно.

Я еще раз прижал к губам ее нежную маленькую ручку и направился к двери.

– Постойте, постойте! – вспомнила Софи. – А ваша служба?

– Я сейчас же слетаю к своему инженеру и выхлопочу себе отпуск.

– Само собой разумеется, вы не скажете ему, в чем дело. Знаете, что лучше всего? Выдумайте ему, что вы должны ехать куда-нибудь совсем в другую сторону. Например, в Италию... В Геную хотя бы...

– Великолепно! – согласился я. – Меня туда вызвали к больному родственнику... А пока я должен бежать. Мой инженер сейчас как раз обедает, и я его застану дома. До свиданья, Софи, надейтесь на меня.

– До свиданья, Антонин. Если встретите кого-нибудь из знакомых, не забывайте сказать, что вы уезжаете в Геную. Это может пригодиться вам для доказательства своего alibi в случае, если настоящий Падди Вельгон узнает о вашей проделке.

Эта более чем неприятная перспектива не произвела на меня на этот раз никакого впечатления. Для Софи я готов был встретиться лицом к лицу с какой угодно опасностью.

Час спустя я уже выходил из квартиры своего начальника с официальным отпуском в кармане и поспешно направлялся на улицу Пуасоньер. Очувтившись у себя в комнате, я торопливо сунул в дорожный швейцарский мешок, с которым я всегда совершал экскурсии по горам, немного белья и, собравшись с духом, вынул из ящика письменного стола деньги Кристины. Они были мне необходимы, так как мои средства были крайне скудны и даже всего моего жалованья скромного чиновника не хватило бы на первые шаги в предпринятой мной задаче.

Желая спрятать деньги, я хотел вынуть из кармана бумажник. Его там не оказалось, и я тут же вспомнил, что несколько дней назад, когда я был у Монпарно, Софи, шутя, вытащила его у меня из кармана и затем по рассеянности забыла отдать. В бумажнике, кроме бумаг, удостоверяющих мою личность, и визитных карточек, ничего не было, и потому я отнесся к его исчезновению довольно равнодушно. Но это обстоятельство навело меня на мысль о полнейшем отсутствии в моих руках какого бы то ни было доказательства моего нового социального положения. Не рискованно ли было пускаться в дорогу и начинать дело, не имея при себе ни одного документа на имя Падди Вельгона? После минутного размышления я решил, что это поправимо, и, сняв с двери его визитную карточку, положил ее себе в карман. В случае надобности она меня может выручить.

Таким образом, приняв все меры предосторожности, я покинул свою комнату, не преминув заявить хозяйке, что уезжаю на некоторое время в отпуск к заболевшему родственнику в Геную.

Было уже совсем темно. Я прошел несколько шагов пешком, свернул на Avenue de la Gare и, взяв извозчика, велел возить себя в одну из гостиниц, где храбро внес свое имя в книгу для приезжих: Падди Вельгон!

### Глава III. Услужливый автомобилист

На следующее утро, еще не было пяти часов, как я уже входил на Южный вокзал. Первый поезд не останавливался в Мескле, и мне пришлось взять билет до Тине, откуда я должен был совершить довольно длинное путешествие пешком. Это меня нисколько не смутило, и, отойдя от кассы, я поспешил выйти на перрон.

Уезжающих, благодаря раннему часу, было немного. Около вагонов, в ожидании отхода поезда, стояла, разговаривая, группа кондукторов. Я подошел к ним.

Перекинутый через плечо мешок, высокие дорожные сапоги и толстая железная палка придавали мне вид туриста, благодаря чему я легко вмешался в разговор.

– Хорошими делами занимаются тут у вас на южных дорогах, – пошутил я. – Людей уж убивать начали!

– Это было как раз на моем дежурстве, – ответил один из кондукторов. – Я сопровождал поезд. Подумать только, что я разговаривал с этим несчастным минут за двадцать до того, как его убили!

– Это удивительное преступление, – сказал я. – Говорят, будто он сидел в вагоне совершенно один и убийца не имел никакой возможности пробраться к нему во время пути.

– Что тут говорить, все равно ничего не узнаете, – глубокомысленно произнес кондуктор. – Ясное дело: раз его убили, значит, кто-нибудь вошел. Но каким образом? Где? Во всяком случае, не до Малоссены, так как я сам был у него в вагоне и он еще угостил меня сигарой. В Малоссене тоже никто в вагон не входил. Говорят, кто-нибудь мог забраться с другого пути. Ерунда! Тут же был весь станционный персонал, на другой стороне платформы жена начальника станции, дети, народ. Кто-нибудь да заметил бы. А никто ничего не видел! Следовательно... – Он плюнул в сторону и вызывающе взглянул на собеседников.

– Вы правы, – подтвердили мы, – это что-то непонятное.

– Тем не менее его здорово потрепали! – заметил другой кондуктор.

– И ограбили, – добавил я. – Кстати, с ним, кажется, был чемодан?

– Как же сударь, большой красный чемодан. Это тоже забавная штука!

Присутствующие обменялись взглядами.

– Что такое? В чем дело? – поинтересовался я.

– Представьте себе, что вчера вечером сюда на вокзал явились за этим чемоданом дама и барышня в сопровождении полицейского.

– Это была вдова убитого, – объяснил я. – Она хотела узнать, целы ли в чемодане вещи.

– Совершенно верно, сударь. Так как у нее не было квитанции, а на чемодане не был проставлен адрес, то ее попросили описать, как выглядит чемодан. Когда она это сделала, его принесли и открыли.

– Значит, у нее был ключ?

– У подобных чемоданов почти всегда бывает по два ключа. Один из них был у дамы. К счастью, она его захватила. Итак, она открывает чемодан и что бы вы думали? Что же там лежало?

– Что там лежало? – машинально повторил я.

– Камни, сударь! Весь чемодан был набит камнями и сухими листьями.

– Камнями? – воскликнул я, не веря своим ушам.

– А между тем, говорят, что обыкновенно владелец этого чемодана имел дело совсем с другими товарами и, уезжая в последний раз из дому, положил туда шелк, бархат и всякую тому подобную ерунду! И на крупную сумму! Посмотрели бы вы, что тут сделалось с нашей дамой. Она чуть с ума не сошла!

Я отлично представил себе состояние госпожи Монпарно и порадовался, что не присутствовал при этой сцене.

– Что же это все, однако, значит? – спросил я себя вслух.

– Очень просто. Весь товар стибрил тот же молодец и заменил его камнями.

– Очевидно! Но когда? Когда?

– Ну, уж это трудно сказать, – неопределенно махнул рукой кондуктор. – За одно могу ручаться, что не в вагоне.

– Как знать, может быть, совершив убийство, злоумышленник снова пробрался в вагон.

– Каким способом? Да и, наконец, не спорю, бывали случаи, что грабители раскрывали дорогой сундуки и выбрасывали за окно вещи, чтобы поднять их впоследствии. Но заполнять пустые места камнями! Этого еще не случалось. Откуда их набрать? Ведь их было много! Не набрал же их злоумышленник через окно во время движения поезда?

– Я думаю, – согласился я.

И здесь, как накануне, осматривая взорванный сундук, я сразу понял, что человек, совершивший это сложное таинственное преступление, обладал феноменальной, почти гениальной смелостью. Принимая во внимание мою неопытность, мне нелегко будет раскрыть его карты.

В эту минуту раздался свисток поезда. Я вскочил в купе второго класса.

– Бойтесь первого класса? – добродушно крикнул мне кондуктор.

– Благодарю вас, не имею никакого желания быть убитым! – ответил я тем же тоном.

В шесть часов я был уже в Тине. Чтобы добраться до Месклы, откуда должны были начаться мои поиски, я должен был сделать около пяти километров пешком среди гор и ущелий, производивших в это раннее безлюдное утро какое-то особенно подавляющее, почти жуткое впечатление. Вокруг меня все было тихо, только издали доносилось журчанье небольшой горной речки и время от времени звонко ударяла о камень моя железная трость.

Не успел я пройти и одного километра, как сзади меня раздался шум приближающегося автомобиля и громкий звук гудка заставил меня прижаться к утесу, чтобы очистить дорогу.

Минуту спустя передо мной оказался небольшой двухместный автомобиль, весь покрытый пылью. В нем сидел закутанный в меха человек с огромными темными очками на глазах. Поравнявшись со мной, он уменьшил скорость машины, бросил на меня любопытный взгляд и остановил автомобиль.

– Куда вы идете? – крикнул он мне.

– В Месклу! – ответил я тотчас же, не сомневаясь, что незнакомец спрашивает меня с благонамеренной целью – помочь мне добраться до места назначения.

Мое предположение оправдалось. Автомобилист действительно указал мне место около себя.

– Не хотите ли, я вас подвезу?

Я, конечно, поспешил согласиться и выразить мою благодарность. Затем мало-помалу, не то из желания оказать ему любезность, не то подняться в его глазах, я рассказал ему о цели своей поездки.

Он выслушал рассказ о преступлении с большим интересом и подробно расспрашивал меня о личности убитого.

– Позвольте, позвольте! – воскликнул он, наконец, бросая на меня из-под очков любопытный взгляд. – Вы, что же, занимаетесь полицейскими делами?

– Я – сыщик! – ответил я, скромно опуская глаза.

– Неужели?

Он, видимо, был удивлен, и я понял, что мне необходимо представиться. К тому же это сразу возвысит меня в его глазах.

– Я – Падди Вельгон! – произнес я, слегка краснея.

Резким движением руки незнакомец откинул на лоб закрывавшие его глаза очки. Автомобиль как вкопанный остановился на месте, и я увидел устремленные на меня с каким-то странным выражением светлые голубые глаза, такие пронизательные и холодные, что мне сразу стало как-то не по себе.

Я смутился и, машинально найдя в кармане визитную карточку Вельгона, протянул ее автомобилисту.

Он взял ее у меня из рук, поглядел и снова передал мне со словами, в которых я не мог уловить ни одной иронической ноты.

– Возьмите вашу карточку. Вероятно, у вас их с собой немного.

Я весь вспыхнул, вспомнив, что на четырех углах карточки остались следы от кнопок, несмотря на все мои старания загладить сделанные ими дырочки.

Между тем мой спутник снова опустил на глаза очки и дал ход машине.

– Я уехал совершенно неожиданно, – сказал я, чувствуя потребность окончательно рассеять подозрения незнакомца. – Меня просило заняться этим делом страховое общество.

– Вот как! – произнес автомобилист. Я ему объяснил положение вещей.

– Интересный случай! – любезно заметил он, рассеянно слушая мои объяснения. – Падди Вельгон! – повторил он. – Я очень много слышал о вас. Вы, вероятно, ирландец?

– Да, как же! – смущенно ответил я.

– И никакого акцента! Это поразительно!

– Требование профессии, – сухо ответил я, стараясь побороть свое смущение. – Мы не должны обращать на себя внимание.

Мой спутник, видимо, что-то тщательно искал в кармане. На лице его отразилось неудовольствие.

– Я, в свою очередь, хочу вам представиться, – сказал он. – Меня зовут Карло Дольчепиано.

– Вы итальянец? – спросил я по-итальянски, зная этот язык, как большинство живущих в Ницце, так же хорошо, как французский.

– Sì, signor! – ответил он, смеясь.

Его иссиня-черные усы и ярко блестящие белые зубы, несмотря на сильный пьемонтский акцент, который я сразу уловил, как бы подтверждали его слова.

– Если вы ничего не имеете против, – продолжал он по-итальянски, – я буду вам сопровождать в ваших розысках. Меня это очень интересует. Я совсем свободный человек, и если вы позволите...

– Пожалуйста! – ответил я, польщенный мыслью проявить свой талант на глазах постороннего наблюдателя.

В Мескле нет ни вокзала, ни деревни. Это нечто вроде полустанка между двумя утесами и двумя туннелями, производящее самое подавляющее впечатление. Подъезжая туда, мы еще издали, с моста, увидели прогуливавшихся взад и вперед по узкой платформе двух жандармов и станционного служителя. Подъехав ближе, мы узнали, что труп убитого находится в станционном здании, служащем в то же время и пассажирским залом и складом, и будет отправлен в Ниццу ближайшим поездом. Одиночество делает людей общительными, и нам без труда удалось узнать у жандармов подробности ужасного происшествия.

Труп был найден у противоположного конца туннеля около пяти часов утра. Чтобы не мешать проходу поездов, его отодвинули параллельно рельсам, что в значительной мере повредило следствию, принужденному ограничиваться показаниями обнаруживших труп рабочих. Вслед за этим из Тине была послана телеграмма. Все эти хлопоты заняли немало времени, и прибывшие из Ниццы судебные власти были на месте происшествия только около четырех часов вечера. Удостоверив при помощи находившихся на трупе бумаг личность убитого, пред-

ставители правосудия направились для производства дознания в Виллар, постановив отправить тело в Ниццу для опознания его родными.

Что же касается преступника, то о нем до сих пор не было и речи, хотя убийство было вполне доказано.

– Следовательно, – решил я задать вопрос, – нет никакой возможности предполагать самоубийство?

Оба жандарма презрительно усмехнулись.

– Что вы, сударь, – ответил один из них. – Голова убитого была обложена камнями, чтобы она не могла сдвинуться с рельсов, когда будет проходить поезд. Если бы вы видели, во что она превратилась!

– Но в таком случае, значит, когда его клали на рельсы, он был уже мертв?

– Ну, еще бы! У него была прострелена голова. Тут же, среди всей этой каши была найдена и пуля.

Это было убедительно. Если бы страховому обществу были известны эти подробности, оно бы, наверно, не послало меня сюда.

Автомобилист тронул меня за руку.

– Отчего вы не попросите показать вам труп? – прошептал он мне на ухо.

Я видел, как у него блестели глаза. Очевидно, он был любителем сильных ощущений.

Тем не менее, ввиду того, что его совет совпадал с моими намерениями, я охотно его исполнил.

– Вы говорите, что труп там? – спросил я, указывая на дом.

– Да! – ответил служитель.

– Вы его, вероятно, скоро вынесете к поезду?

Он угадал мое желание:

– Вы хотите посмотреть?

– Если возможно.

Он вопросительно взглянул на жандармов, в то время как автомобилист незаметно сунул ему в руку монету.

– Все равно, – разом согласился служитель, – придется же выносить его оттуда. Ничего не значит немного приподнять простыню.

Жандармы утвердительно кивнули головой и отошли в сторону. Служитель открыл дверь, и мы увидели лежавшую на досках, покрытую белой простыней фигуру. Секунда – и простыня была сдернута. Один общий крик ужаса вырвался из наших уст. Нельзя было представить себе ничего ужаснее этой картины.

Вместо головы была какая-то высохшая черная масса, состоявшая из остатков костей, запекшейся крови и волос. Шея была также раздавлена почти по самые плечи, руки представляли собою два обуглившихся обрубка, ноги были отрезаны по щиколотку и бесследно исчезли. Вообще, все тело имело такой обгоревший вид, как будто его со всех сторон поджаривали на огне. Платье местами сохранилось в полной неприкосновенности, и я сразу узнал обычный костюм господина Монпарно.

– Нельзя допустить, чтобы этого несчастного привел в такой ужасный вид перерезавший его поезд! – воскликнул я.

– Конечно! – согласился Карло Дольчепиано.

– Ему должны были раньше размозжить голову и пробовали его сжечь.

Это предположение было тем более основательно, что между остатками платья убитого кое-где чернели угли.

– Прокурор сказал то же самое, – ответил один из жандармов.

– От него хотели отделаться, – глубокомысленно заметил автомобилист, – и, только удивившись, что это не так легко, преступник решил положить его на рельсы. Какой промежуток времени был между двумя поездами?

– Час! – ответил жандарм.

– Немного! И затем до утра не проходило ни одного поезда?

– Ни одного. Труп был обнаружен до прохода первого поезда.

– Заключение принадлежит вам, – обратился ко мне автомобилист. – Разбирайтесь-ка теперь во всем этом.

– Все это вполне ясно! – уверенно сказал я. – Время не играет никакой роли. Я констатирую самый факт желая уничтожить или, по крайней мере, обезобразить до неузнаваемости труп, что, как мы сами видим, не привело к желаемым результатам. С меня этого довольно.

– Чтобы сделать его неузнаваемым, не следовало оставлять при нем документов, – заметил итальянец.

– И костюма. Я предполагаю, что преступник изменил впоследствии свое решение, поняв, что рано или поздно исчезновение господина Монпарно все равно станет известным. Подобное преступление всегда раскрывается.

– В более или менее отдаленном времени. Для преступника могло быть важно выиграть время, – задумчиво произнес автомобилист.

– Это было бы трудно, – возразил я. – До совершения убийства был разграблен принадлежавший жертве чемодан и на другой день при помощи найденных при убитом ключей унесены из железного сундука все находившиеся там ценности. Этот двойной грабеж, совпадающий с исчезновением самого господина Монпарно, невольно обратил бы на себя внимание.

И я рассказал все, что мне было известно по поводу последних событий.

– Что меня поражает во всей этой истории, – добавил я в заключение, – это то, что наряду с поразительной предусмотрительностью, характеризующей преступника, как выдающегося организатора, встречается какая-то невероятная наивность. Как будто все преступление было задумано и исполнено двумя отдельными личностями: гением и идиотом. С одной стороны, поразительный по замыслу грабеж в поезде и взрыв сундука, с другой – неудачное обезображение трупа, признанного с первой же минуты благодаря документам и костюму.

Мои собеседники вполне согласились с моими доводами.

Между тем для того, чтобы продолжать розыски, надо было подождать прихода поезда. Я в последний раз взглянул на останки несчастного господина Монпарно.

– А где же ноги? – пришло мне вдруг в голову. – Неужели от них не осталось никакого следа, даже сапог?

– Они, вероятно, были отрезаны, а не раздавлены, – небрежно заметил Дольчепиано.

– Об этом никто не подумал, – ответил жандарм. – Может быть, они и лежат где-нибудь в туннеле.

Я бросил многозначительный взгляд на автомобилиста, который, видимо, его понял, так как улыбка скользнула по его губам.

– Может быть! – с деланным равнодушием ответил я.

Между тем поезд подходил к станции. Жандармы внесли труп в прицепленный в конце поезда товарный вагон и вошли туда сами. Когда поезд отошел от станции, я обернулся к своему спутнику.

– Мы, конечно, отправимся в туннель? – улыбнулся он.

– Конечно! – ответил я, выходя со станции.

Он последовал за мной, осторожно ведя рядом свой автомобиль. Дорога была совершенно безлюдна. Я спросил у станционного служителя, как пройти к месту преступления, и нашел его без труда. Мой спутник вынул из кармана электрический фонарь и стал любезно освещать мне дорогу.

Отдаленность местности не давала возможности любопытным наводнить место загадочного преступления, благодаря чему его посетили только судебные власти, да и те, как мне объяснили, шли только по рельсам, не отходя к откосу, на котором лежал сдвинутый с рельсов труп. Поэтому сердце мое усиленно забилося, когда я заметил глубоко врезавшиеся в гравий следы чьих-то шагов.

– Убийца! – прошептал я, указывая на них итальянцу. – Он нес труп.

Действительно следы шли вплоть до места, где был найден господин Монпарно, и затем продолжались в противоположную сторону к выходу из туннеля, сохраняя уже более легкий отпечаток. Очевидно, убийца уже отделался от своей ноши и шел более легкой походкой.

Я нагнулся, чтобы ближе рассмотреть следы; Дольчепиано любезно навел на это место фонарь.

– На злоумышленнике были надеты сапоги с тонкой подошвой, – заметил я. – Следовательно, это не был простой крестьянин.

– Вы думаете? – чуть-чуть насмешливо произнес итальянец.

Задетый за живое, я крепко прижал к мягкому гравию свою, обутую в большой грубый сапог, ногу и указал своему спутнику на получившийся от нее отпечаток.

– Видите? Что общего? А теперь попробуйте вы, – добавил я, заметив легкие комнатные сапоги автомобилиста.

– Если это вам доставит удовольствие, – усмехнулся тот, пожимая плечами.

След его сапога получился совершенно тождественным со следом, приписываемым мной убийце.

– Ага! – торжествующе воскликнул я. – Сравните! Разве можно смешать? У незнакомца были сапоги, подобные вашим.

– Что же это доказывает? – спокойно возразил Дольчепиано. – А у вас простые, грубые сапоги. В горах по одному этому трудно судить о социальном положении человека.

– Но у него были сапоги на тонкой подошве, которых не надевают для прогулки по горам.

– Положим! – согласился итальянец. – Но...

Наши взоры одновременно устремились на какие-то два предмета, темневшие в нескольких шагах от нас около стены туннеля.

– О! – воскликнул я, подбегая к ним.

– О! – как эхо, повторил итальянец.

Перед нами лежала пара огромных, грубых, подбитых гвоздями сапог.

– Они не могут принадлежать жертве, – разочарованно сказал я, снова бросая их на землю.

Мой спутник поднял их и стал разглядывать.

– Впрочем, может быть... – снова заговорил я, – может быть, убийца обменялся обувью с своей жертвой... Но где же в таком случае ноги? Опять что-то непонятное! Во всяком случае, можно предположить, что эти сапоги принадлежат убийце.

– В силу чего, я беру их с собой! – спокойно заявил автомобилист. – Думаю, что вы не захотите отдать в руки властям такое ценное доказательство.

– Конечно, нет! – машинально ответил я, занятый своими мыслями.

– Кроме того, можно еще предположить, что в настоящую минуту убийца разгуливает в сапогах своей жертвы.

– Если он их уже не снял, – добавил Дольчепиано.

– Ну, – произнес я, окидывая вокруг себя взглядом, – теперь, я думаю, нам здесь больше нечего делать. Мы собрали довольно ценные сведения, теперь остается только в них разобраться. Пока сделаем вывод: господин Монпарно был убит в вагоне выстрелом из револьвера, и тело его было сброшено с поезда в туннель. Соскочил ли убийца вслед за ним или вернулся после остановки поезда, во всяком случае, он пытался сжечь труп убитого им чело-

века и, потерпев неудачу, уложил его на рельсы. Хорошенько осмотрев окрестности, мы, вероятно, найдем следы разведенного им огня. Но, по-моему, нам теперь главным образом следует заняться вопросом о краже содержимого красного чемодана. Где она могла произойти? Мне известно, что господин Монпарно сел на поезд в Вилларе. Туда мы и должны отправиться.

– Поедем! – согласился внимательно слушавший меня итальянец.

Мы вернулись на дорогу и, сев в ожидавший нас автомобиль, двинулись в путь. Всю дорогу от Месклы до Виллара я не переставал громко развивать свои предположения.

– Несмотря на существование несомненной связи между кражей товара, убийством и взрывом сундука, – говорил я, – возможно, что все это совершено не одним и тем же человеком. Возможно, что убийца имел соучастника.

Дольчепиано чрезвычайно внимательно выслушал все мои слова.

– Все это весьма далеко от самоубийства, подозреваемого вашим страховым обществом, – сказал он наконец.

– Их подозрения только смешны, – возразил я. – Удивительно, на что иногда толкает людей страсть к деньгам.

И я откровенно рассказал ему подозрения Кристины относительно Софи Перанди.

Я говорил, говорил без конца обо всем, что только не касалось моей собственной личности, нисколько не заботясь о том, насколько полезна может быть такая откровенность с человеком, которого я видел в первый раз. К тому же вид моего спутника внушал мне полное доверие, и я даже обрадовался, услышав от него, по приезде в Виллар, что он намеревается остановиться там вместе со мной.

– Где мы остановимся? – спросил он.

– В какой-нибудь гостинице, – ответил я. – Там мы будем у самого источника не только утоления голода, который уже дает себя знать, но и сведений.

– Отлично! – согласился Дольчепиано, замедляя ход автомобиля.

Несколько минут спустя мы остановились около станции, напротив которой пестрела желаемая вывеска. Автомобиль был отведен в сторону, и, выйдя из него, мы вошли в гостиницу.

– Пива, хозяин! – крикнул я, усаживаясь за стол. – Дайте также хлеба и, если у вас есть, два куска ветчины.

Приказание было исполнено сейчас же, и вместе с ветчиной и пивом у нашего столика появился сам хозяин.

## Глава IV. По следам красного чемодана

Так как проезжие в этих местностях бывают редко, то всякое появление их тотчас же вызывает любопытство местных жителей. Хозяин гостиницы не избегнул общего правила и сразу забросал нас вопросами.

– Вы, вероятно, совершаете прогулку по горам! Сегодня такой хороший день.

– Здесь, вероятно, всегда много экскурсантов? – в свою очередь спросил я.

– Теперь еще не сезон. Летом, да... Но теперь еще все сидят в Ницце. Вы тоже, вероятно, оттуда?

– Да, – ответил я. – Я живу в Ницце. Мы захотели проехать в Месклу посмотреть...

– Место преступления в туннеле, – перебил меня хозяин. – Ну что? У вас в Ницце тоже говорят об этом?

– Ну, еще бы!

Хозяин сделал сочувственное лицо.

– Бедняга господин Монпарно! – вздохнул он.

– Вы его знали? – поспешно спросил я.

– Я ли его не знал. Он всегда заезжал ко мне в гостиницу. Еще не далее как в понедельник он сидел вот тут.

Хозяин пододвинул себе стул и, не спрашивая разрешения, сел около нас.

– Просто даже не верится! Он был всегда такой веселый, остроумный! Еще в понедельник он нас так смешил... И вдруг, извольте-ка!

– Вы никого не подозреваете? – спросил я.

– На это ответить затруднятся даже, я думаю, сами судьи. Я лично думаю, что кто-нибудь спрятался в вагоне под диваном. Во всяком случае, здесь сесть в поезд убийца не мог. Он вошел или в Пюже, или еще дальше, вернее, в Пюже, так как там было известно, когда поедет господин Монпарно и с каким поездом. Он сообщил об этом заранее.

Этими сведениями нельзя было пренебрегать. Я решил наконец задать интересующий меня вопрос.

– Он приезжал сюда по делам. Вероятно, при нем были образцы материй?

– Обыкновенно да. Он распаковывал их здесь и развозил по своим клиентам. Но на этот раз он выходил из себя: его чемодан запоздал и он должен был уехать, ничего не сделав.

– Каким же это образом? – спросил я, чувствуя, что приближается самый интересный момент.

– А вот видите ли. Он приехал к нам в воскресенье с вечерним поездом только с маленьким ручным чемоданом. Большой же чемодан, красный, который мы так хорошо знали, остался в Сен-Пьере, так как за господином Монпарно не выехал его постоянный извозчик и он должен был идти до Пюже пешком. Чемодан ему обещали доставить наутро, но так и не привезли.

– Та-та-та! – пробормотал я, стараясь скрыть интерес, пробужденный во мне этим рассказом. – Но, вероятно, все-таки в конце концов доставили, так как он оказался при нем?

– Не говорите? – продолжал хозяин. – Все утро он то и дело выходил на дорогу посмотреть, не везут ли его чемодан. Ничего подобного! Наконец в полдень, как только он сел с нами за стол, слышим, мчится какой-то экипаж и почти сейчас же срывается какой-то мальчишка и кричит:

– Господин Монпарно! Господин Монпарно! Сейчас проехал Саргасс с вашим чемоданом по направлению к Малоссене!..

– И что же господин Монпарно? – не удержался я от вопроса.

– Он рассердился и велел бежать вдогонку. Но куда тут! Чемодана не было и следа. Тогда что же делать? Стали кончать обедать. Потом господин Монпарно взял велосипед моего сына и поехал вслед за Саргассом.

– И догнал его?

– Не без труда. Этот идиот уехал еще дальше Малоссены. Как бы то ни было, они оба вместе вернулись на станцию как раз вовремя, чтобы сесть на шестичасовой поезд.

– С чемоданом, – добавил я.

– С чемоданом, которого он так и не успел открыть.

– Что же такое вдруг случилось с его извозчиком?

– Неизвестно. Это вообще малосимпатичный, хитрый человек. Он уверяет, что плохо понял. Я же думаю, что он сделал это нарочно, чтобы досадить господину Монпарно.

– Вероятно, вы правы, – сказал я, бросая многозначительный взгляд на итальянца.

Мне начинало казаться, что я напал на настоящий след. Мне сразу показался подозрительен этот извозчик. Что означала эта прогулка чемодана? Объяснение просилось само собой. Чемодан пробыл всю ночь у извозчика, и наутро ему был полный расчет доставить его перед самым отходом поезда, чтобы помешать господину Монпарно раскрыть его и убедиться в краже. Весьма возможно, что он, кроме того, не боялся раскрытия воровства и в Ницце, так как знал, что Монпарно не доедет туда живым. Но в таком случае, где он спрятал содержимое чемодана? У себя дома? Где-нибудь по дороге? Этот человек, видимо, был слишком хитер для того, чтобы не оградить себя на случай обыска. Мне очень хотелось бы знать, что думает по этому поводу мой спутник.

Но он слушал с совершенно безразличным видом и, надо полагать, ожидал, чтобы я первый, как специалист, высказал свое мнение.

Я решил воспользоваться словоохотливостью хозяина и расспросить его по поводу этого Саргасса.

– Как, вы сказали, фамилия этого извозчика? – спросил я.

– Саргасс.

– Да, да, Саргасс. Кроме него нет других извозчиков в Пюже?

– Сколько угодно.

– Почему же именно его выбрал господин Монпарно?

– Привычка. Взял его как-то раз, да так и стал потом с ним ездить. Конечно, в тех случаях, когда ездил в Сен-Пьер и Ла-Рошетт. В другую сторону его возил другой извозчик. Но так как в воскресенье он был в Сен-Пьере, то и должен был ехать с Саргассом.

– Саргасс живет в Сен-Пьере?

– Нет, он оттуда родом, но живет в Пюже. В Сен-Пьере живет его замужняя дочь.

– Как бы то ни было, порядочный человек никогда не поступит таким образом со своим всегдашним клиентом, – сказал я, желая вызвать своего собеседника на откровенность.

– Да никто и не назовет Саргасса порядочным человеком! – сказал хозяин.

– Его не любят?

– Мало того. Никто с ним не водит даже знакомства. Так, по крайней мере, я слышал. С ним самим я никогда не разговаривал. Из него не выудишь ни слова. Случается, что он иногда заходит сюда по необходимости. Так ни здравствуй, ни прощай! Форменный боров. Достаточно взглянуть на него, чтобы понять, что это за человек.

– Сколько ему лет? – спросил я.

– Лет шестьдесят.

– Такой старый? – удивился я.

– Он и молодого за пояс заткнет. Настоящий колосс. Кого угодно уложит на месте одним ударом кулака.

– Ну, это только так говорится, – усмехнулся я. – Не станет же он ни с того ни с сего убивать ближнего.

– От Саргасса всего можно ожидать, вы его не знаете.

– Неужели? – недоверчиво произнес я.

– Конечно. Это зверь. Единственное его удовольствие – деньги. За деньги он пойдет на что угодно.

– Значит, – заметил я шутливым тоном, – за десять тысяч франков...

– За десять тысяч франков! – воскликнул хозяин гостиницы, ударяя по столу кулаком. – Да за такую сумму он продаст собственную дочь и отправит на тот свет родного отца.

– К счастью, последний, наверно, уже умер, – рассмеялся я.

– Уж действительно, к счастью, – в свою очередь громко расхохотался мой собеседник.

– Значит, – серьезно произнес я, – вы бы не доверили Саргассу десяти тысяч франков?

– Даже не показал бы, если бы они у меня были. Не надо искушать дьявола. Он бы не задумался прикончить меня, чтобы прикарманить эти деньги.

– Однако и репутация у него, – улыбнулся я, очень довольный полученными сведениями.

– Спросите кого угодно, услышите то же самое.

Но с меня было пока довольно и этого. Сомнений не было. Так или иначе Саргасс замешан в преступлении.

Но если Саргасс убийца, значит, он был в поезде. Возможно ли это? Об этом надо было узнать.

– На вокзал господина Монпарно отвозил тоже Саргасс? – спросил я.

– Как же! Я сам видел, как они подъехали, – ответил хозяин. – Даже помог снять чемодан.

Он был очень тяжелый.

– Сто кило. Его взвешивали, – добавил я.

– Мы здесь все знаем этот чемодан. С ним всегда приходится возиться, чтобы поднять в багажный вагон.

– Ну, я думаю, Саргасс его несколько облегчил.

– Вероятно. Я его только снял с козел, а затем вернулся к себе в гостиницу.

– А Саргасс сейчас же поехал обратно в Пюже-Тень? – быстро спросил я.

– Вероятно.

– Вы видели, как он уехал?

– Нет, я был в это время занят, но думаю, что он уехал, так как несколько минут спустя его уже у вокзала не было.

Я секунду колебался.

– Мне хотелось бы в этом убедиться, – решил я наконец сказать.

– Убедиться? То есть как?

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Послушайте, – сказал я. – Вы производите на меня впечатление порядочного человека, на которого можно положиться. Мы не простые туристы, мы полицейские агенты.

Дольчепиано сделал отрицательный жест рукой. Но я не обратил на него внимания.

– По крайней мере я, так как с этим господином я встретился случайно. Что же касается меня, то я ищу убийцу господина Монпарно.

Хозяин бросил на меня растерянный взгляд.

– Кто бы мог думать! Кто бы мог думать! – повторял он, не спуская с меня глаз.

– Я имею некоторые основания думать, что Саргасс так или иначе причастен к преступлению, и мне хотелось бы знать, не вошел ли он в вагон вслед за господином Монпарно. Может быть, он спрятался. Вы сами высказали это предположение.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.